

Любовь СЛЕСАРЕНКО, 1944, г. Кривой Рог, Украина

НЕ ВСЕ НЕМЦЫ - ФАШИСТЫ

Мы, бывшие малолетние узники концлагерей, собираясь на свои собрания, вели разговоры о разном, не касаясь тяжелых воспоминаний о пережитых годах в разных лагерях. И только когда мы встречались с молодыми представителями нашего общества, старались по возможности им донести о тех прожитых нами годах. Это был крик наших душ, но кто им кроме нас об этом расскажет.

Вот одно из таких воспоминаний Александра Ивановича Слышинского: родом я из Ленинградской области, перед войной жил с родителями в предместье Ленинграда. Началась война, отец ушел на фронт командиром саперного батальона. Наш военный городок опустел, остались только мужчины престарелого возраста, женщины и дети. Многие семьи куда-то уезжали, а мы не успели, и оказались в окружении. Пришли немцы, и всех местных жителей нашего городка погрузили в эшелоны, и отправили в лагерь смерти Франкфурт-на-Майне. Ехали в переполненном эшелоне, было тесно, душно и голодно, маленькие дети плакали, а мы, постарше терпели, об этом нас мамы просили. Мне тогда было уже шесть лет.

Когда мы ехали по территории Польши, то польские милитаристы, узнав, что в этом поезде едут русские женщины с детьми и стариками, направили в хвост эшелона бронепоезд, который смял последние вагоны. Мы с мамой остались живыми, ехали в середине эшелона.

В лагере смерти мы были два года, голод, холод, антисанитария, зверское обращение с пленными, условия нечеловеческие. Здесь мы пережили радость единения семьи, отец попал в плен и был доставлен сюда на каторжные работы. Евреев расстреливали сразу, и нас однажды фашисты хотели сжечь живыми в крематории. Загнали в закрытые комнаты, и мы

ощутили, что пол под нашими ногами начал раздвигаться. Внизу пылал огонь, часть людей была им поглощена. Нас же, наверное, спас добрый ангел, пол остановился, мы остались живы.

Недалеко от лагеря было поле сахарной свеклы. Мы, голодные ребяташки, не могли глаз от него отвести. Но вокруг этого поля висела натянутая проволока под высоким напряжением, на посту всегда стоял вооруженный фашист, охрана менялась каждый день. И вот однажды охранник поманил нас пальцем и приподнял проволоку так, чтобы мы могли пролезть на поле. А нам так хотелось кушать. Мы рвали свеклу и прятали под одежду, чтобы что-то и другим досталось. И этот немец, когда был дежурным, давал нам, детям, возможность рвать свеклу на поле, и возвращаться обратно. Когда мы его спросили, почему он так делает, то слышали на плохом русском языке ответ: «Не все немцы – фашисты».

Еще мне запомнились крошки хлеба на обеденном столе. Каждый пленный получал кусочек черного хлеба к тарелке жидкой овощной баланде. Хлеб резали на маленькие кусочки, и детям разрешалось подобрать пальчиками, оставшиеся крошки. На протяжении всей жизни к хлебу отношусь очень бережно, никогда не выброшу ни крошечки в мусорные баки. Хлеб - это святое, маленький кусочек его может спасти человека от голодной смерти. А еще вспоминаю своих голодных родителей, которые из своих скудных порций баланды доливали по несколько ложек мне. Разве можно такое забыть, не могу без слез это вспоминать.

Перед окончанием войны часть пленных распределили по другим концлагерям. Мы попали в Дельгхаузен. Родителей гоняли на работы, а мы, дети, сидели в бараках. И когда в апреле месяце 1945 года нас освободили американские войска, то их солдаты удивлялись, как можно было выжить в таких условиях. Ведь мы были тощие, грязные, оборванные. Нам дали возможность помыться, выдали чистую одежду,

накормили. Детей еще угостили шоколадом, до сих пор помню его изумительный вкус. Со всеми нами проводилась беседа, предлагалось ехать на постоянное место жительства в Америку, но родители были патриотами своей Родины. Они рвались только в родные места. Родина же нас встретила неприветливо. Папе дали десять лет заключения. А мы с мамой жили очень трудно, так как считались семьей врага. Немного легче стало, когда пришли документы на его реабилитацию. Посмертно.